

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X_2023_6_135_98

EDN: NKGVIP

Российская психология на рубеже тысячелетий: состояние, перспективы, «позитивы» и «негативы» эволюции

Владимир Алексеевич Толочек

Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник института психологии РАН. 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д.13, к.1

tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Аннотация. Цель проведенной работы можно обозначить как приглашение коллег к участию в открытой дискуссии о состоянии российской психологии на рубеже второго и третьего тысячелетий. В ходе исследования использовалось включенное наблюдение, «трудовой метод» (по И. Н. Шпильрейну), рефлексия профессионального опыта. В статье представлен критический анализ состояния российской психологии на рубеже двух тысячелетий, в том числе — особенности Ярославской психологической школы. Во множестве и многообразии разных процессов становления отечественной психологии выделены и анализируются несколько важных аспектов, в каждом из которых акцентируются как позитивные, так и негативные проявления и уже складывающиеся тенденции эволюции: во-первых, методология, методологи, полевые исследователи (мир и его осмысление; уровни методологической рефлексии). Во-вторых, «свой путь» и интеграция с мировой наукой. В-третьих, научно-исследовательские и научно-практические работы: дистанция, разделенность, разрывы (эмпирическая база: своеобразие, однообразие, узость; широкое-узкое использование статистического аппарата; НИР и ННР: два мира, две психологии). Наконец, глобализация и локализация научной жизни (научные публикации: новизна, значимость и формализм; молодые ученые и эстафета знаний; дифференциация дисциплины и отношения ее частей). Кроме того, стиль мышления, научные школы, парадигмы; изучение новых феноменов при незыблемости авторитета старых теорий; научно-исследовательская работа и системотворчество.

Ключевые слова: психология; научная дисциплина; методология; парадигмы; состояние; процессы; позитивные и негативные тенденции развития

Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2021-0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов»

Для цитирования Толочек В.А. Российская психология на рубеже тысячелетий: состояние, перспективы, «позитивы» и «негативы» эволюции // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 98-111. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_6_135_98. <https://elibrary.ru/NKGVIP>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

Russian psychology at the turn of the millennium: state, prospects, «positives» and «negatives» of evolution

Vladimir A. Tolochek

Doctor of psychological sciences, professor, leading researcher at Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. 129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, building 1
tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Abstract. The purpose of the work can be indicated as an invitation to colleagues to participate in the open discussion on the state of Russian psychology at the turn of the second and third millennia. During the study, the included observation, the «labor method» (according to I. N. Shpilrein), the reflection of professional experience were used. The article presents a critical analysis of the state of Russian psychology at the turn of two millennia, including the features of the Yaroslavl psychological school. In the set and variety of different processes of formation of domestic psychology, several important aspects are highlighted and analyzed, each of which emphasizes both positive and negative manifestations and already emerging trends in evolution: firstly, methodology, methodologists, field researchers (the world and its comprehension; levels of methodological reflection). Secondly, «your way» and integration with world science is shown. Thirdly, research and scientific-practical work: distance, separation, gaps (empirical basis: originality, monotony, narrowness; wide-narrow use of the statistical apparatus; research and practice: two worlds, two psychologies) are presented. Finally, globalization and localization of scientific life (scientific publications: novelty, significance and formalism; young scientists and the relay of knowledge; differentiation of discipline and the relationship of its parts) are shown. In addition, style of thinking, scientific schools, paradigms; the study of new phenomena with the inviolability of the authority of old theories; research work and systematization are given.

Key words: psychology; scientific discipline; methodology; paradigms; condition; processes; positive and negative development trends

The study was carried out in accordance with the State task of the Ministry of education and science of the Russian Federation № 0138-2021-0010 «Regulation of professional interaction in conditions of organizational and technological challenges».

For citation: Tolochek V. A. Russian psychology at the turn of the millennium: state, prospects, «positives» and «negatives» of evolution. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023; (6): 98-111. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_6_135_98. <https://elibrary.ru/NKGVIP>

Введение

«Наша позиция состоит в том, что научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется ... Осознание уникальности предмета и поиски своего пути – магистральная линия размышлений и разработок современной методологии психологической науки...» [Мазилев, 2017, с. 10]. Так или почти так может начинаться каждое обсуждение состояния нашей дисциплины; его продолжение будет определяться конкретными историческими условиями и видением автора статьи. Социум динамичен, представления людей о своей профессиональной сфере не могут не быть субъективно пристрастными и лучшее, что они могут делать –

честно и открыто обсуждать все, что важно, значимо для них, для общества, для государства. Во множестве и в многообразии разных процессов становления отечественной психологии выделены и анализируются несколько аспектов, в каждом из которых акцентируются как позитивные, так и негативные проявления и уже складывающиеся тенденции эволюции. Понятно, что менее всего можно ожидать линейной, последовательной, монохромной эволюции фрагментов социальной действительности, тем более – российской действительности.

В середине 1990–2000-х годов нередко можно было встретить резкие, острые и в то же время глубокие оценки разных аспектов нашей жизни [Василуку, 1996; Зинченко, 2003; Цымбурский,

2007; др.], как и широкий обзор актуальных дисциплинарных проблем [Мазиллов, 2017; Юревич, 2005; др.]. Затем «градус» критических суждений снизился, сменяясь размышлениями о глубинных процессах эволюции социальных объектов. Полагая, что сложный период перестройки государства, его социальных институтов, ряда организаций, научных дисциплин, систем учета научной деятельности людей, интеграции ее результатов в практику, еще далеко не завершен; что в осмыслении состояния дисциплины ограничиваться лишь описаниями наших достижений едва ли оправдано. Равно как и в целом – отрицание нашей истории побед и поражений, трудов и достижений (что было характерно для начала 1990-х годов), – также малопродуктивно. О «взвешенных» оценках, об «объективной» позиции рефлексующего «наблюдателя», говорить также еще преждевременно. Поэтому наиболее конструктивным может быть открытое обсуждение актуальных процессов эволюции отечественной психологии как изначально амбивалентных, многовекторных, содержащих как позитивные тенденции, так и негативные. Нельзя не улыбнуться остроумному замечанию Б. Шоу («Изучая историю можно сделать один вывод, что люди, изучая историю, не делают никаких выводов»), когда речь идет о чем-то отдаленном. Но, размышляя о значимых для нас вопросах, наше небрежение к историческим аналогиям уже не представляется малозначимым, извинительным.

Итак, предложим нашу попытку анализа комплекса вопросов «*Российская психология на рубеже тысячелетий*» в двух плоскостях – в очевидно ценных, важных, позитивных и, скорее, как сомнительных, неоднозначных или даже негативных проявлений современных тенденций развития науки за последние два десятилетия (после выхода из состояния «шоковой терапии», организованной для россиян в 1990-х годах). Быть может, именно такая рефлексия позволит если не управлять, то хотя бы избегать усиления нежелательных тенденций, притормаживать их, купировать их проявления по мере возможного. *Цель работы:* приглашение коллег к участию в открытой дискуссии о состоянии российской психологии на рубеже второго и третьего тысячелетий. *Методы:* включенное наблюдение, «трудовой метод» (по И. Н. Шпильрейну), рефлексия профессионального опыта.

Результаты исследования

1. Методология, методологи, полевые исследователи.

1.1. Мир и его осмысление. Масштабный кризис государства, его институтов, состояния гуманитарных дисциплин побудил всех мыслящих людей – в первую очередь философов, социологов, психологов, экономистов, правоведов, – к радикальным переоценкам, к развернутой рефлексии, открытым дискуссиям о нашем прошлом, настоящем и будущем. С одной стороны, во многом инициированная извне смена научных парадигм, моделей, алгоритмов деятельности, ценностных ориентиров, с другой – ставшими возможными открытые и острые высказывания специалистов, появившиеся радикальные и «прорывные» работы, создавали благоприятную почву для перехода на новые качественные уровни работы в гуманитарных дисциплинах (наш анализ ограничивается только этой сферой и конкретно – эволюционными процессами в психологии). За последние два десятилетия появились обстоятельные труды философов, психологов–методологов [Мазиллов, 2017; 2020; Корнилова, 2006; Степин, 2000; Юревич, 2005; и др.].

Это были серьезные разработки, ценные продвижения, предлагающие охваты разных дисциплинарных проблем в целом. Но, вместе с тем, складывается впечатление, что работы наших методологов и философов по-прежнему, как и в советский период, имеют незначительный эффект (судя по работам полевых исследователей – так будем называть тех ученых, которые проводят конкретные эмпирические исследования, создают фактуальную базу дисциплины). Складывается впечатление, что между продвижением наших методологов науки и освоением новых рубежей работниками «полей» остается какой-то «зазор», есть какие-то неявные барьеры, не позволяющие активно интегрировать достижения тех, кто «видит горизонты науки». Предположительно, это связано с дискретностью четырех уровней методологии [см. обзоры: Мазиллов, 2017; 2020; Корнилова, Смирнов, 2006; Степин, 2020; Юревич, 2005; др.]. Внимание философов и методологов объяснимо концентрируется на первых двух уровнях; освоение третьего и четвертого ложится на представителей отдельных научных специализаций, но чаще остается без должной разработки. Но аналогичная работа и «параллельная» работа на третьем и четвертом уровне также необходима и возможна; именно «методология снизу» (по В. А. Мазиллову) спо-

собна поддержать цельность и мощь базового методологического сопровождения. В качестве примера самой возможности решения таких задач полевыми исследователями, специализирующимися в отдельных областях, сошлемся на наш скромный опыт [Толочек, 2021а; Толочек, 2021б].

1.2. Уровни методологической рефлексии. Как отмечалось выше, в вертикальной структуре методологии науки различают четыре уровня: 1) философской методологии; 2) общенаучных принципов и форм исследования; 3) конкретно-научной методологии; 4) уровень методики и техники исследования. Философы и методологи науки, исходя из широкой постановки вопросов, работают на первом и втором уровне. И даже когда последовательно рассматривают движение мысли ученых–специалистов в той или иной области, такой анализ служит, скорее, для иллюстрации общих закономерностей, выступающих предметом работы философов и методологов.

Четвертый уровень – методик и техник исследования – рабочее пространство полевых исследователей. Как правило, каждый инициативный исследователь в большей или в меньшей степени адаптирует известный и конструирует авторский методический инструментарий, выстраивает оптимальную программу НИР (научно-исследовательской работы). Такое новаторство считается нормой, не встречает жесткой критики оппонентов, достаточно лишь обосновать надежность и валидность инструментария.

Проблемным выступает третий уровень – конкретно-научной методологии. Ввиду дифференциации научных дисциплин, значительных различий видения предмета и методов исследования в их разных областях, попытки обобщения, унификации, стандартизации конкретно-научной методологии чаще малопродуктивны. Обращение философов и методологов к описанию этого уровня также «случаются» лишь как иллюстрация базового подхода, как примеры, адекватные для той или иной области знания. Третий уровень – пространство, в которое должны вступать сами ученые, специализирующиеся в конкретной области, ставящие перед собой конкретные задачи, часто предполагающие и разработку фрагментов конкретно-научной методологии, поддерживающей решение определенного класса задач («Мелочи создают совершенство, а совершенство — не мелочь», Микельанжелло).

Но именно здесь и появляются «барьеры», разрывы, несогласования во взаимодействиях и

взаимосвязях составляющих четырех уровней. Понятно, что людям комфортнее работать в рамках доминирующей парадигмы, традиций своей школы, следовать давно установленным «канонам», пользоваться освоенным понятийным аппаратом. Много сложнее критически осмысливать традиционный арсенал и разрабатывать новый. Компромиссные варианты – простое заимствование принципов, методов, техник, рожденных в других дисциплинах, сформированного в них понятийного аппарата (аттракторы, бифуркации и т. п.), конечно же, расширяют «горизонт видения», но чаще не дают ожидаемого приращения знания. Добавим, что одиночные прорывы отдельных исследователей обычно встречают мощное противодействие коллег по ряду причин (в том числе, и объективных – находки одиночки первоначально часто далеко не совершенны, тогда как потенциал каждой научной школы, освоенных в ней технологий много превосходит первые результаты пионера; его поведение и аргументация обычно также далеко не безупречны). Вследствие множества рефлекслируемых и нерелфлекслируемых факторов активность пионера притормаживается, а уверенность апологетов «старого» в своей правоте поддерживается.

Итак, проблемным для нас является третий уровень методологии науки. С одной стороны, не задача философов и методологов – вникать в детали каждой научной области, с другой – попытки решения таких задач специалистами в этой области встречаются с множеством психологических барьеров, помимо собственно профессионально-научных.

2. «Свой путь» и интеграция с мировой наукой.

Разрушение и преодоление «железного занавеса» в прямом и в переносном смысле, явное стремление и реальные попытки интеграции, единичные опыты действительной организационной и содержательной интеграции некоторых россиян с деятельностью наших коллег, с «тендерами» мировой науки, конечно, дали и дают мощный и широкий позитивный эффект. Так, например, с конца 1980-х годов мы стали открывать новые формы – учебников, сборников, монографий, научных журналов, систем учета научных трудов и их статуса в профессиональной среде. Мы открыли плеяды глубоких, интересных, но нам малоизвестных в полном формате книг и статей выдающихся ученых, творивших в продолжении XX столетия. Этот мощный поток книг не раз переиздавался разными изда-

тельствами и таким образом становился доступным широкой аудитории. Это было потрясением, мотивирующим россиян на более широкое и глубокое понимание дисциплинарных проблем, более точную формулировку задач, более корректное выделение предмета, организацию исследования и представления его результатов; в целом – готовности лучше понимать содержание социального запроса, потенциала психологического инструментария, «состояния вопроса», более чутко реагировать на особенности ситуации научного поиска и презентации полученных результатов.

Но реликты того минувшего поклонения Западу сохраняются до настоящего времени. Так, более ценным во всех отношениях считаются научные публикации не в отечественных, а в зарубежных журналах (которые большинство россиян не читает); повсеместно появляются жесткие установки менеджеров вузов на учет только таких публикаций; это и проведение квази-международных конференций, участие в которых «идет в зачет» преподавателей и научных сотрудников, тогда как российских — нет (как априори малоценных).

С одной стороны, внимание к достижениям зарубежных коллег дало нам доступ к новым алгоритмам, способствовало большей открытости и готовности к интеграции, с другой – порождало стремление следовать исключительно в форватере зарубежных исследований (только оттуда оправдано брать темы НИР, только там видится передовой фронт науки). Так, одним из важных моментов становления нового качества нашей деятельности можно считать культуру разработки научного инструментария. Но складывается впечатление, что разработки новых авторских методик и адаптация зарубежных методик уже становятся самоцелью. Не очевидно, что оправдано неограниченное продуцирование новых и новых методик без их параллельной систематизации. Так, например, в литературных источниках можно найти не менее четырех разных вариантов русскоязычной адаптации «Большой пятерки» (включающих от 10 до полутора сотен пунктов) без каких-либо ссылок на аналогичные версии.

К разряду «модных» тем НИР можно отнести темы выгорания, ресурсов, качества жизни, качества трудовой жизни, несколько десятилетий разрабатываемых зарубежными коллегами, их же повторяющих, их же воспроизводящих нашими соотечественниками. Но сравнительно редко

можно видеть в продолжение многих лет последовательное продвижение в разработке проблем с «российским лицом», точнее — спектра взаимосвязанных вопросов, сопряженных с нашей действительностью. Одно из немногих исключений – работы представителей Ярославской психологической школы [Карпов, 2021а; 2021б; 2021в; Карпов, 2015; Карпов, 2020; Карпов, 2022; Кашапов, 2006; Кашапов, 20017; Мазилев, 1998; 2017; 2020; Поваренков, 2013; Поваренков, 2019; Слепко, 2019; Шадриков, 2013; 2022; др]. Можно предполагать, что именно такая концентрация активности команды исследователей, включающей ученых разного возраста и опыта, прямо и неявно координируемой общностью методологических позиций при параллельном постоянном развитии методологии, поддерживаемой регулярными научными форумами, изданиями содержательных сборников, трудов с широкой географией участников, представителей разных научных школ, – создавали и создают благоприятную почву для роста профессионализма как зрелых ученых, так и молодых.

3. Научно-исследовательские и научно-практические работы: дистанция, разделенность, разрывы.

3.1. Эмпирическая база: своеобразие, однообразие, узость. На протяжении трех десятилетий, первоначально вследствие объективных условий, позже, видимо, по инерции остается крайне загруженной эмпирическая база наших работ. Обычно – это учащиеся средних школ, студенты вузов. Такая доступная платформа, с одной стороны, облегчает сбор эмпирического материала, с другой – имеет ряд негативных следствий: де-факто подмена проблематики, необоснованное расширение выводов, искусственное и гипертрофированное подчеркивание научной новизны и теоретической значимости проведенного исследования. Так, например, предпочтение школьниками учебных предметов (согласно опросникам Е. А. Климова, Дж. Холланда и др., разработанных в середине XX в.) трактуется как выбор профессии; представления студентов о карьере – как поведение специалистов на рынке труда (и подобное встречается даже в проектах ведущих ученых, представляемых на конкурс наших научных фондов).

3.2. Широкое-узкое использование статистического аппарата. В последние годы сложились несколько типовых вариантов обработки данных. Общепринятой нормой стало использование немногих методов параметрической статистики (t-

сравнение, корреляционный и факторный анализ); много реже — других. Но едва ли найдется работа, в которой автор выходит в мета-позицию и отмечает все возможности и ограничения используемого им математического аппарата.

В отношении содержания результатов исследования, отметим, что, как правило, в выборе статистического аппарата, в описании результатов отсутствуют «поправки», которые могут быть и должны быть внесены при соотнесении базовой концепции с предварительной рабочей гипотезой, с ее коррекцией вследствие полученных данных. Возможности и ограничения выборки и полученного массива данных, потенциала избранного статистического аппарата обычно не упоминаются и, видимо, не рассматриваются. Часто отсутствуют упоминания базовых эмпирик, не приводится описательная статистика. Полученные факторные структуры выступают основой «теорий». Но с чем они сравниваются? Что опровергают? Они радикально корректируют концепции здравствующих и ушедших авторитетных ученых, указывают на допущенные ими ошибки?

Редукция множества раннее разделенных промежуточных операций подготовки и проверки эмпирического материала для его статистического анализа исследователем, благодаря удобным стандартным статистическим пакетам и быстродействию персонального компьютера формируют феномен, аналогичный «клиповому мышлению» подростков. *Внимание* исследователя к закономерностям распределения статистик в конкретной выборке, готовность анализировать процедуры анализа – большая редкость.

Приведем два нам известных примера нетривиального подхода к «общепринятому». В исследованиях А. В. Карпова, позже и его учеников, и сподвижников, используется особый подход к работе со стандартными методами параметрической статистики – «Метод определения индексов структурной организации» (Карпов, 2015). Центральным предметом НИР ученого выступают системы и системные связи. Соответственно, обычные констатации (А коррелирует с В, В – С и т. д.), отражают аналитизм типичного для психологов подхода, не устранимого даже при обсуждении ими десятков и сотен корреляций; привлечение факторного анализа также не элиминирует аналитизм, а лишь добавляет промежуточный идеальный объект в описание феномена (по умолчанию предполагается, что факторная структура и есть *презентация системы*, прямое ее отражение,

ее проявление). Но если за отдельными корреляциями и их плеядами видеть *репрезентацию системных свойств* изучаемого предмета (то есть его косвенное отражение, так или иначе захваченное диагностическим инструментарием, а не его непосредственную представленность, *презентацию*), то за такими плеядами можно рассмотреть разные проявления системности.

Как инструменты исследования в подходе А. В. Карпова различаются *когерентность* структуры связей, *дивергентность (дифференцированность)* и *организованность* структуры, которые особым образом вычисляются (достаточно просто, наглядно) и обозначаются соответствующими *индексами* – ИКС (индекс когерентности структуры, представленный числом и статистической значимостью положительных связей), ИДС (числом и значимостью отрицательных связей), ИОС (как соотношение положительных и отрицательных интеркорреляций).

Самым важным в представленном «Методе ...» видится следующее: обычная корреляционная матрица потенциально содержит разнородную информацию; можно выделять и различать несколько ее пластов. И если, например, задачами НИР выступают не подтверждение априорных связей (между отдельными переменными – а, в, с и т. п.), а изучение системных феноменов, то и тривиальные указания на факты наличия связей между переменными малопригодны. Системность организации психического можно увидеть в системных же эффектах. Этим задачам отвечает и особенное видение корреляционной матрицы, выделение нескольких ее содержательных уровней.

Можно задавать вопросы о математической корректности таких сумм (критерием которых выступает статистическая значимость коэффициентов), но принципиально важно другое: 1) ученые в «простой матрице» видят несколько пластов информации; 2) во множестве статистик выделяют особые группы, по разному репрезентующие системность феномена; 3) для изучения системных эффектов используется типовой статистический инструментарий (то есть общедоступный, универсальный, признанный как достаточно корректный в широком диапазоне распределения исходных данных); 4) ученые преодолевают «барьеры тривиальности» и описывают разные уровни систем и их взаимодействия; 5) алгоритм работы – «Метод ...» – в последующем многократно проверяется, его эффективность подтверждается; 6) алгоритм решения за-

дач сочетается с развитием сопряженной с ним научной концепции. И главное в нашем разговоре: для изучения сложных, скрытых, системных эффектов используются сравнительно простые инструменты, общедоступные, казалось бы, общепонятные – если, конечно, внимать материалу, «чувствовать предмет», ставить новые цели, решать новые задачи. Таким образом, «Метод определения индексов структурной организации» можно рассматривать как третий уровень – уровень конкретно-научной методологии.

Представим другой алгоритм нетривиального подхода к «общепринятому». В нашем случае «проблемными» названы вопросы оперирования большими группами разнородных переменных. Представим фрагмент статьи: «... Следуя логике аналитического подхода и типичному алгоритму статистического анализа данных, мы имели 99 переменных: 29 компетенций; 35 компонентов стилей общения; 26 показателей личностной психодиагностики, а также рассматриваемых нами девять социально-демографических и служебно-должностных характеристик обследуемых. Соответственно, при их корреляционном анализе мы получаем в «верхнем треугольнике» корреляционной матрицы около 5000 коэффициентов [$N = (99 \times 99) - 99/2 = 4850$], полноценное описание и интерпретация которых едва ли возможны. ... В нашем опыте преодоления «анализа» НИР и НПП, а также попытки найти адекватные операциональные возможности реализации интегративного подхода, мы использовали нетипичные статистики – «коэффициенты объектов факторов»*. И если в типичных НИР и НПП, оперирующих корреляциями и факторными «весами» анализируемых характеристик каждый отдельный обследуемый рассматривается как частица общего, как элемент концепта – идеального эмпирического объекта (по В. С. Степину), то при оперировании «коэффициентами объектов факторов» каждый человек выступает как «мера вещей» (Протагор), как самозначимая величина и при этом как полноценная «единица анализа». Он выступает как «интеграл», представляющий собой как собственные абсолютные характеристики как субъекта, так и относительные, сопоставимые с характеристиками каждого из обследуемых, каждого члена изучаемой группы» [Толочек, 2023, с. 181]. *«Коэффициенты объектов факторов (КОФ) по существу выступают «зеркальными» статистиками тех, которые традиционно широко используются психологами – нагрузками переменных

на фактор (факторными нагрузками, факторными «весами») – коэффициенты статистик меры влияния, «вкладов» анализируемых переменных в выделяемый фактор» [Толочек, 2023, с. 181].

При данном, также несложном приеме работы, возможно, делать переходы к другим уровням оперирования понятиями и смыслами. Например, если обычно под «системообразующими факторами» подразумеваются концепты (то есть идеальные теоретические объекты, призванные объяснять фрагменты реальности), то используя результаты «зеркальных» статистических расчетов, можно переходить к описанию реальных объектов – конкретных персон. В этом плане, например, рассматривая отдельных людей как членов социальной группы, можно различать субъектов, более и менее интегрированных с нею, более или менее обладающих компетенциями, требуемыми для решения определенного класса задач. Соответственно, можно делать предположения (не «ВВ», а именно «НН») является лидером, выступает ключевой фигурой на данной стадии становления и/или функционирования группы) и оперативно их проверять. Следовательно, в плане изучения структуры и динамики социальной группы такие ее члены и могут рассматриваться как «системообразующие персоны» (формально – «факторы»), согласно значениям вычисленных «коэффициентов объектов факторов», которые можно сравнивать с коэффициентами всех членов групп (выборки).

3.3. НИР и НПП: два мира, две психологии. При нарастающем объеме научных публикаций перспективы решение актуальных научно-практических задач остаются неопределенными, за редким исключением [Карпов, 2021а; Карпов, 2020; Карпов, 2022; Кашапов, 2006; др.] они не просматриваются, не выделяются, не обсуждаются. Даже в научно-квалификационных работах (то есть в тех, где соискатель ученой степени должен представить свою состоятельность как зрелый профессионал в области человеческих отношений, способный решать широкий круг научных и практических задач), в диссертациях и авторефератах практическая значимость обозначается так – «материалы диссертационного исследования могут использоваться в чтении учебных курсов» (всего лишь). По аналогии с «чистой математикой» такую экстраполяцию «теории» можно было бы назвать «чистой психологией». К слову, согласно Бертрону Расселу, «Чистая математика – это такой предмет, где мы не знаем, о чем мы говорим, и не знаем, истинно ли

то, что мы говорим». Полагаю, без аргументированной перспективы выхода результатов научного исследования на варианты решения научно-практических задач наша дисциплина выглядит «бледно», а ее новые «кадры высокой квалификации» – не способными решать актуальные социальные задачи.

4. Глобализация и локализация научной жизни.

4.1. *Научные публикации: новизна, значимость и формализм.* Отметим как неоднозначное явление и явно обозначающиеся закрытые «круги» цитирования литературных источников. Да, верно, при множестве параллельных и сходных НИР автору статьи можно ограничиваться выделением немногих типичных работ. Но только лишь цитирование трудов лидера своей научной школы и принадлежащих к ней, замалчивание и игнорирование публикаций «чужих», едва ли можно считать позитивным явлением. Отметим и экстенсивный рост числа научных журналов, наличие у крупных институтов и вузов (ИПРАН, ПИРАО, МГУ, ЯрГУ, ВШЭ и др.) 2–3–4 и более, де-факто ставших своими, «карманными журналами», что делает эти организации «самодостаточными» во многих отношениях, облегчая проведение публикаций своим сотрудникам. Однако неочевидно, что уже в обозримом будущем останется несомненным благом для дисциплины в целом то, что в настоящем облегчает жизнь отдельных персон, представляет организации в «лучшем свете». В такой обособленности и относительной закрытости улавливаются признаки давней цеховой организации ремесленников, сметенных Историей.

Выделим как отдельную проблему сложившуюся технологию и практику научных публикаций. Несколько изменив известный тезис, можно было бы сказать «Психологов испортил РИНЦ». Не стану анализировать разные приемы повышения баллов в РИНЦ и задерживаться на этом вопросе. Очевидно, что любая унификация оценки труда ученых имеет не только достоинства. Рассмотрим сопряженное с «феноменом РИНЦ» использование «мягкой силы» и «жесткой силы» руководителями организаций, главными редакторами журналов, заведующими редакцией.

Использование «мягкой силы» (искусственное затягивание прохождения статьи в журнале). По нашим наблюдениям, имеют место серьезные издержки в сформировавшихся технологиях научных публикаций. Один из «мягких» прие-

мов – искусственное затягивание процедуры выхода статьи в свет в журналах, входящих в систему учета ВАК, в систему индексации Web of Science и Scopus. Для не входящих в «свой круг» ожидание первого ответа рецензента может затягиваться до 6–12 мес.; в случае замечаний рецензента, что является нормой, все повторяется. В нашем опыте был случай ожидания первого ответа из редакции 24 мес. (не отвечая на запросы автора, редакторы пересылали статью последовательно 8 рецензентам, видимо, не удовлетворяясь их заключениями; невероятно, но все 8 наших коллег дали положительные отзыв и редакция, вероятно, перебрав почти весь свой актив, «сдалась»).

Использование «жесткой силы» (создание стрессовой ситуации). Упомяну о своеобразии сложившихся статусов автора и рецензента. Написание статьи занимает 1–6 мес., ее прочтение – 10–30 мин. И при этом типичная пропорция рецензий такова: менее 20 % конструктивные, направляющие поиски автора, содействующие уточнению его аргументации, понятийного аппарата; не менее 30 % – абсурдные («Статья не соответствует требованиям АРА...» – представленная в российский журнал статья не соответствует требованиям Американской психологической ассоциации!..), разгромные, оскорбительные («Автор не знает ... автор не понимает ... автор не учитывает...»). Да, каждый автор чего-то не знает, что-то не понимает, не все можно учесть при подготовке ординарной статьи для ординарного журнала. Но какова роль журнала в профессиональной эволюции ученых? Отсекать, осаживать, проводить искусственный отбор между «своими» и «чужими»? Поощрять откровенное хамство анонимов?

Итак, с одной стороны, регулярные разгромные отповеди анонимных рецензентов, с другой – своеобразная научная смелость: едва ли можно найти статьи с критическим анализом концепций здравствующих авторитетных ученых. Установившиеся процедуры рецензирования в статусных журналах поощряют проведение заведомо слабых работ «своих» (в том числе, по проектам, поддерживаемых Российским научным фондом), с другой – демонстрируют явно пристрастное отношение к «чужим»; с одной – содействуют ускоренному проведению одних публикаций, с другой – необоснованной задержке других.

Еще один немаловажный аспект усиливающейся формализации. В последние года два по-

всеместными стали жесткие формальные требования: новизна текста – не менее 70 % (обращаю внимание – *текста*, не эвристики идей, подходов, технологий НИР, масштаба выводов); не менее 50 % – ссылок на публикации последних 5 лет (полагается, что самое важное в каждой области психологии свершилось за этот отрезок времени); не менее 30–50 % ссылок на авторов статей в данном журнале (каждый журнал – самый важный, именно в нем публикуют работы все ведущие специалисты?). Примечательно, что такие нормы вводятся не только в отношении статей в рейтинговые журналы, но и для кратких тезисов научных конференций. Даже если это меры против «РИНЦе-творчества», то едва ли можно их признать конструктивными. («Иные лекарства страшнее самих болезней», Сенека).

Еще один аспект формализации нашей жизни: в вузах и НИИ в «зачет» принимаются только работы, обозначенные как «Исследование выполненное в соответствии с Государственным заданием ...» или «Исследование поддержано грантом ...». Личная инициатива ученого – всегда важная, если не главная составляющая научного творчества, элиминируется.

4.2. Молодые ученые и эстафета знаний. Разрыв поколений ученых, образовавшийся в 1990–2000-х, стал нашей серьезной бедой и надолго. Оскорбительно низкая оплата труда преподавателей и научных сотрудников, платные аспирантура и соискательство – создают весьма туманные перспективы для молодежи, почти исключая саму возможность их активного, дерзкого и решительного вступления в профессию. В то же время молодые ученые (лица до 39 лет, которые физически уже могут иметь детей и внуков) в разных отношениях представляются как самая приоритетная профессиональная группа. После трех десятилетий небрежения наукой и прозябания ученых государство стало компенсировать грубые упущения расширением возрастного периода условно называемого «молодые». Например, в требованиях к проектам на конкурсы РФ доля молодые членов ВТК должна оставлять не менее 50 % от общего состава, которым должна быть обеспечена выплата вознаграждения не менее 35 % лишь за то, что люди еще не достигли 40 лет. Для не достигших рубежа «недоросль/взрослый» организуют особые, с пониженной «планкой», научные конференции. Должно ли понимать всех молодых людей (то есть не достигших 40 лет) как лиц с «пониженной социальной ответственностью» при гиперответствен-

ности стареющих профессоров? (Напомню, полная юридическая ответственность человека в России наступает с 18 лет, а полная научная – с 40, как следует из периодизации жизни ученых).

В чем замысел создания тепличных условий для физически и социально зрелых людей? В продолжение 20 лет после окончания вуза можно жить расслаблено, безответственно за свою судьбу? Коллеги, согласитесь, звучит странно – «Молодой 39-летний *специалист*» (рабочий, инженер, музыкант, художник, поэт); в спорте 14–16-летние иногда побеждают на чемпионатах мира и Олимпийских Играх. А в науке, оказывается, «в 40 все только начинается» (но при таких темпах созревания в 50 все и закончится).

4.3. Дифференциация дисциплины и отношения ее частей. Естественный исторический процесс после становления дисциплинарного знания в XVIII в. – дифференциация дисциплин, – в перспективе должен «уравновешиваться» ориентацией на проблемы, а не только лишь на исторически выделенный «свой» предмет, расширение использования интегральных подходов, о чем с 1970-х годов говорят философы и методологи. Складывается впечатление, что в современной психологии стадия всех возможных видов интеграции пока еще где-то далеко за горизонтом. Для иллюстрации рассмотрим тенденции становления трех предметных областей.

Особая и показательная траектория эволюции российской *психотерапии* – де-факто ее стремительное с конца 1980-х становление и развитие, широкое вхождение в нашу жизнь. Во многом эти процессы стали следствием активного и небескорыстного участия зарубежных специалистов, прежде всего, из США. Назовем некоторые особенности этих «прививок»: весомая плата (в «конверте») от несколько десятков постоянных и случайных обучающихся и участников за каждый день (от 2 до 5) семинара часто повторяющихся циклов, представляющих едва ли не все сформированные на западе традиции и школы (гешталь-психология, НЛП, эриксоновский гипноз, клиенто-центрированная терапия, психодрама, трансактный анализ и др.). Другой важный аспект активного участия иностранцев – главное в психотерапии не в «теориях» (они крайне слабы), а в техниках работы, поддерживаемых высоким уровнем психомоторных умений и навыков, тренированной эмоциональной лабильностью, спецификой профессиональной картины мира (которые за время семинара не могут быть сформированы).

Но благодаря нашим «Левшам», их креативности и энергии (нередко и патриотизма, и подвижничества), появилось несколько признанных лидеров, позже предлагающих свои авторские модификации типовых вариантов «классики» психотерапии и даже свои оригинальные и сильные концепции – Ф. Е. Василюк, В. В. Макаров, А. А. Пилигин и др. Быстро и надежно вызрели несколько центров в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и других городах; эта сфера деятельности стала частью нашей культуры. Но при этом сохранялась обособленность направлений, школ; их лидерами периодически делались заявления об особом статусе этой сферы, до открытых демаршей практических психологов; пожалуй, наиболее известный – заявление о «схизисе академической и практической психологии» Ф. Е. Василюка (2003).

Итак, российские психотерапевты быстро «оперились», стали издавать свои авторские и переводные книги, упорно дистанцироваться от «академиков» и заявлять о своей самостоятельности. В настоящем ООО «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига» объединяет 62 разных направления, представителей разных течений, имеющих своих лидеров. Представителей же академической психологии стремительная эволюция новой отрасли мало беспокоила, немногие из них серьезно размышляли об этом феномене – появлении в России «новой психологии» [Мазилов, 2015; Юревич, 2005; др.]. Мы чаще просто абстрагируемся от нового для нас течения («мы вас игнорируем и точка!»). Полагаю, можно еще долго спокойно относиться к тому, что наша Вселенная расширяется, что галактики разбегаются. Но едва ли оправданно равнодушно созерцать, что дисциплины, рожденные в лоне психологии, изучающие проявления психического у человека, не сближаются, а взаимно удаляются.

Психология спорта у нас активно развивалась в 1970–1980-х годах; были признанные лидеры; все ориентировались на труды наших ученых – «классиков» (Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др.). В начале 1990-х она «рассыпалась», активно продолжали работать лишь единицы – Г. Б. Горская, А. В. Родионов, В. К. Сафонов, В. Ф. Сопов и др. Изначально так складывалось, что при хорошем знании практики, при хорошо поставленной «полевой работе» теоретическая и методическая культура психологов здесь была не высока. Спортивные психологи как исследователи и практики активно работали

с детскими и юношескими командами, с региональными, с молодежными и «взрослыми» сборными командами страны и ДСО (добровольных спортивных обществ); обязательным условием при подготовке диссертации было проведение формирующего психолого-педагогического эксперимента. В настоящее время при остающемся в целом невысоком теоретическом уровне НИР и НПП, при крайне ограниченных профессиональных взаимодействиях, спортивные психологи, представляющие несколько независимых центров, работают преимущественно как практики. Другой тревожный симптом – в своих публикациях они более ориентируются на зарубежные источники, нежели на фундаментальные работы российских ученых. Разрыв с отечественными научными традициями, разобщенность и конкуренция научных центров и персон, снижение государственного финансирования ведут к стагнации отрасли. (Это очень напоминает историю становления новых государств нашего ближнего зарубежья и невеселые метафоры, отражающие процессы, состояния и черты этого явления – «Прибалтийские вымираты» и т. п.)

Организационная психология (психология организационного развития) за рубежом с 1960–1970-х годов развивается в двух слабо взаимодействующих руслах – как научная и как прикладная дисциплина, так же и в России с конца 1980-х годов. Прикладная организационная психология своей особой «теорией» не имеет, свое особое положение не манифестирует, просто заимствует все, что ей нужно из разных областей «большой психологии», включая концепции и техники разных версий психотерапии. Здесь нет декларированного расхождения с академической психологией, выраженный «схизис» проявляется в другом – в оплате труда «теоретиков» и «практиков».

Из трех рассмотренных нами сфер деятельности психологов–практиков, организационная психология – наиболее благополучная сфера, имеющая хорошие перспективы развития. С одной стороны, она органично включена в структуры вузов и НИИ, с другой – регулярно подпитывается разнообразной практикой. И есть специалисты, успешно сочетающие работу в двух ампулах – Л. Н. Аксеновская, Т. Ю. Базаоров, А. Н. Занковский, А. В. Карпов, М. В. Прохорова и др.

5. Стиль мышления, научные школы, парадигмы

5.1. Изучение новых феноменов при незыблестности авторитета старых теорий. В научных

публикациях критичный теоретико-методологический анализ «состояния вопроса» – большая редкость (несмотря на то, что такой раздел обязателен даже в кандидатских диссертациях). Он просто замещается перечислением множества фамилий, нередко – без хронологии, без выделения имен ученых, внесших наибольший вклад в разработку проблемы. Так, например, открытым вопросом психологии малых социальных групп назовем меру эвристичности концепций, предложенных в последние десятилетия. Представим оценку одного из ведущих специалистов – «многие теории не позволяют предположить существование каких-то пока не известных науке групповых явлений, исчерпали свои внутренние возможности и, соответственно, не получили дальнейшего развития» [Сидоренков, 2018, с. 37]. Добавим, что в периодически переиздаваемых трудах ведущих специалистов на протяжении нескольких десятилетий сохраняется та же классификация социальных групп, предложенная 30–50 лет назад [см. учебники: Г. М. Андреева, 1980 – 2005; Б. Д. Парыгин: 1969 – 2003; статьи зарубежных специалистов: Н. Tajfel, 1974–2004; J. Turner, 1986–2012; др.].

Аналогична ситуация с проблематикой профессиональной карьеры [J. L. Holland, 1958–1997; D. E. Super, 1957–1992], психологии здоровья и ресурсов [Sh. E. Taylor, 1985–2015] и многих других – как знаки неизменности доминирующих в середине XX столетия парадигм (согласно Т. Куну). И можно считать исключением из правил, когда развитие НИР сопровождается разработкой методологии изучения уникального класса объектов. Если исходить из того, что фундаментальные научные теории создаются не в процессах возрастания фактографической базы дисциплины, а в процессах интеграции концептуального знания (то есть множества альтернативных концепций), то разработки частнодисциплинарных средств решения задач, ориентированных на специфический класс таких задач, должно признать чрезвычайно ценными предпосылками качественного развития знания. Но подобные работы крайне редки (см. раздел 1.2.).

Кратко затронем проблему «личности в психологии» – хронологии изменения роли лидера и его научного наследия. С одной стороны, крупные ученые первоначально мощно раздвигают «горизонт видения», определяют новые цели и задачи, задают новые алгоритмы работы, формулируют основные положения своей концепции, с другой – в последующие 20–40 лет их энергично

защищают. Объяснимо на уровне личности отдельного человека, что открывая новую тему, выделяя новые цели, в последующие десятилетия люди им же и следуют. Но ведь социальные организации именно для того и создаются, чтобы согласовывать, оптимизировать, интегрировать, компенсировать естественные ограничения и проявления «человеческого фактора», в науке, в том числе. И если сам крупный ученый, часто – Ученый, – и способен к объективному восприятию аргументации оппонентов, то его ученики и апологеты, встретив то или иной «инакомыслие», часто неистовствуют, защищая труды учителя. И так как научное наследие крупного ученого переживает своего творца, то со временем его последователи нередко выступают уже не столько продолжателями важных начинаний, сколько разрушителями науки. В нашей истории знаковыми были «Павловская» сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР 1950-го г.; совещание по философским вопросам физиологии ВНД и психологии 1962-го г. [см.: Ильин, 2020; др.] и бесчисленное множество менее примечательных историй, запечатленных в деформированных судьбах людей науки.

Остается ли в науке новым все то, что было таковым 20–30–40–50 лет назад, сохраняет ли оно прежнюю теоретическую значимость? И каков нормальный цикл смены доминирующих парадигм, подходов, концепций в гуманитарной науке, обеспечивающий ее статус, в том числе – в психологии? Напомним, что ставшие «классическими», научные концепции в психологии создавались в середине XX столетия. Три типа рациональности – классическую, неклассическую, постнеклассическую, – философы стали различать лишь в конце столетия. Другими словами, психологи на протяжении столетия работали в логике классической рациональности и долго не знали, что они «говорят прозой» («Время – кожа, а не платье...», А. Кушнер), когда, например, в рассуждениях о сложных, саморегулирующихся и развивающихся системах было предпочтительнее использовать другой понятийный аппарат.

5.2. *Научно-исследовательская работа и системотворчество.* В последнее десятилетие все чаще ключевым понятием диссертаций на соискание ученой степени доктора наук стало понятие «концепция» («Концепция АВС», «Концепция ВСД», «Концепция СДЕ» и т. п.). Другими словами, предметом квалификационной работы выступает уже не фрагмент проявления психического как данности, а фрагмент его авторского

видения соискателем высшей ученой степени. Замечу, что защита такой диссертации открывает соискателю все пути карьерного продвижения в научных и учебных организациях.

Сопряженной с концептуализмом выступает практика предложения авторской версии системного подхода, описания новой системы. После трех десятилетий священного трепета психологов перед понятием «система» (все объясняющим), прилежной трансляции положений ОТС (общей теории систем – *общей теории*, разрабатываемой преимущественно на моделях автоматов) и теории функциональных систем П. К. Анохина (разрабатываемой на моделях *организма животных и человека*) на описания *психических явлений*, психологи освоили алгоритм ее комбинаторики. Уже не только ученые 1-го эшелона, но и 2-го и 3-го активно представляют свои авторские системы. Лавина гетерогенных системных версий, экспликации психического как «системы» крайне редко встречает критические оценки [Зинченко, 2003; Карпов, 2015]. Заметим, что понятие «система», выступает по существу идеализацией, «идеальным теоретическим объектом» (по В. С. Степину, 2000). И такие конструкты – авторские версии психологических систем – могут иметь эвристический потенциал лишь при интеграции предлагаемых идеализаций в единой фундаментальной психологической теории, выступая ее компонентами. Как правило, попытки соотнесения авторской версии «системы» даже с ближайшими аналогами не предпринимаются, не обозначаются, не обсуждаются. Но если «система» – концепт, не проясняющий множество взаимосвязанных интра- и интерсистемных явлений как целостности, – он не служит развитию дисциплины. Если множество разных системных подходов и версий системы – лишь конгломерат, лишь авторская экспликация частного проявления психического без его согласования с окружением, со средой (то есть метасистемой); если системный подход представляет частную версию системы, подкрепленную крайне ограниченным эмпирическим материалом, он и она – «холостые выстрелы», едва ли что-то объясняющие и проясняющие.

Парадоксально, но никто из авторов психологических систем не презентует их как частные, специфические, отражающие лишь возможные описания отдельных объектов, точнее – одно из возможных. Обобщая, перефразируя известную метафору можно сказать: «Бедная, бедная психология. Сначала она...» обходилась без «систем»,

потом удовлетворялась механистическими схемами, а затем стала тонуть в них...

Заключение

Повторим то, с чего начиналось обсуждение темы – в многообразии процессов становления отечественной психологии различаются несколько аспектов, в каждом из которых проявляются как позитивные, так и негативные эффекты, формируя те или иные тенденции эволюции дисциплины. Но и в этой нелинейности, неоднородности путей развития фрагментов социальной действительности могут быть, несомненно, позитивные, при всех возможных флуктуациях устойчивые позитивные явления, как правило, не случайные, а целенаправленно формируемые. Одно из них – своего рода естественный эксперимент, который проходит в Ярославле более пяти десятилетий, важным результатом которого стало появление Ярославской психологической школы. Здесь регулярно проводятся широкие, масштабные, последовательные циклы исследований с мощным методологическим сопровождением.

Это живой пример, где утвердились «необходимая и достаточная» мера консолидации и интеграции ученых и практиков, поддерживается широкий спектр научных тем и изучаемых моделей деятельности в связи с реальной практикой, где оптимально проводится ротация ученых разных поколений, где молодежь быстро входит в дело, включается в разные проекты и имеет заметные результаты. Можно полагать, что именно такое сочетание целенаправленно организуемых лидерами условий и способствует успешному развитию как отдельных ученых, так и научной школы в целом. Феномен Ярославской психологической школы может служить образом конструктивной эволюции научного сообщества даже в кризисных социальных ситуациях (в периоды «шоковой терапии», «текущей современности», «цивилизационного слома», «кризиса культуры», «культурного шока»).

Библиографический список

1. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, № 6, 1996, с. 25–40.
2. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Т. 1. / под ред. В. В. Новикова (гл. ред.), И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. Ярославль : МАПН, 2003. С. 98–134.

3. Ильин Е. П. Психология и физиология: союз или конфронтация? Исторические очерки. Санкт-Петербург : Реноме, 2020. 578 с.
4. Карпов А. А. Теория и практика психологического анализа деятельности. Ярославль : Филигрань, 2021а. 316 с.
5. Карпов А. А. Филогенетическая эволюция психики : монография. В 2 т. Т. 2. Метасистемный подход. Ярославль : Филигрань, 2021б. 376 с.
6. Карпов А. А. Филогенетическая эволюция психики : монография. В 2 т. Т. 1. История и этапы. Ярославль : Филигрань, 2021в. 456 с.
7. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. Т.1: Метасистемный подход. Москва : РАО, 2015. 546 с.
8. Карпов А. В. Понятие профессионально-негативных качеств личности / А. В. Карпов, А. В. Чемякина // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы : сборник материалов Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, 8–10 октября 2020 г. / отв. ред. А. В. Карпов. Ярославль : ЯрГУ; Филигрань, 2020. С. 158–162.
9. Карпов А. В. Специфика структурной организации метакогнитивных компонентов рефлексивности / А. В. Карпов, А. А. Карпов, А. В. Чемякина // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 127–142.
10. Кашапов М. М. Психология творческого мышления профессионала. Москва : ПЕР СЭ, 2006. 688 с.
11. Кашапов М. М. Психология творческого мышления. Москва : ИНФРА-М, 2017. 436 с.
12. Корнилова Т. В. Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 320 с.
13. Мазилев В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль : МАПН, 1998. 359 с.
14. Мазилев В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 87–96.
15. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
16. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
17. Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов : СГСЭУ, 2013. 322 с.
18. Поваренков Ю. П. Системогенез деятельности профессионала : монография / Ю. П. Поваренков, Ю. Н. Слепко, А. Э. Цымбалюк. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 162 с.
19. Слепко Ю. Н. Психология учебной деятельности школьника: Системогенетический подход / Ю. П. Поваренков, Ю. Н. Слепко, А. Э. Цымбалюк. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 263 с.
20. Сидоренков А. В. Психология малой группы: методология и теория. Москва : Юрайт, 2018. 185 с.
21. Степин В. С. Теоретическое знание. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
22. Толочек В. А. Психология труда. Санкт-Петербург : Питер, 2021а. 496 с.
23. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Ч. 1 // Ярославский педагогический вестник. 2021б. № 2 (119). С. 69–79.
24. Толочек В. А. Компетенции и профессиональные взаимодействия руководителей: открытые вопросы / В. А. Толочек, А. С. Машкова // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 1. С. 181–202.
25. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. Москва : Институт психологии РАН, 2013. 386 с.
26. Шадриков В. Д. Системогенез ментальных качеств человека. Москва : Институт психологии РАН, 2022. 287 с.
27. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва : РОССПЭН, 2007. 544 с.
28. Юревич А. В. Психология и методология. Москва : Институт психологии РАН, 2005. 312 с.

Reference list

- Vasiljuk F. E. Metodologičeskij smysl psihologičeskogo shizisa = Methodological meaning of psychological schism // Voprosy psihologii, № 6, 1996, s. 25–40.
- Zinchenko V. P. Prehodjashhie i vechnye problemy psihologii = Transient and eternal problems of psychology // Trudy Jaroslavskogo metodologičeskogo seminar (metodologija psihologii). T. 1. / pod red. V. V. Novikova (gl. red.), I. N. Karickogo, V. V. Kozlova, V. A. Mazilova. Jaroslavl' : MAPN, 2003. S. 98–134.
- Il'in E. P. Psihologija i fiziologija: sojuz ili konfrontacija? Istoricheskie ocherki = Psychology and physiology: union or confrontation? Historical essays. Sankt-Peterburg : Renome, 2020. 578 s.
- Karpov A. A. Teorija i praktika psihologičeskogo analiza dejatel'nosti = Theory and practice of psychological analysis of activities. Jaroslavl' : Filigran', 2021a. 316 s.
- Karpov A. A. Filogenetičeskaja jevoljucija psihiki = Phylogenetic evolution of the psyche : monografija. V 2 t. T. 2. Metasistemnyj podhod. Jaroslavl' : Filigran', 2021b. 376 s.
- Karpov A. A. Filogenetičeskaja jevoljucija psihiki = Phylogenetic evolution of the psyche : monografija. V 2 t. T. 1. Istorija i jetapy. Jaroslavl' : Filigran', 2021v. 456 s.
- Karpov A. V. Psihologija dejatel'nosti = Psychology of activity V 5 t. T.1: Metasistemnyj podhod. Moskva : RAO, 2015. 546 s.
- Karpov A. V. Ponjatie professional'no-negativnyh kachestv lichnosti = The concept of professional-negative personality qualities / A. V. Karpov, A. V. Chemjakina // Jaroslavskaja psihologičeskaja shkola: istorija, sovremennost', perspektivy : sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. JarGU, 8–

10 oktjabrja 2020 g. / otv. red. A. V. Karpov. Jaroslavl' : JarGU; Filigran', 2020. S. 158–162.

9. Karpov A. V. Specifika strukturnoj organizacii metakognitivnyh komponentov refleksivnosti = Specifics of structural organization of metacognitive components of reflexivity / A. V. Karpov, A. A. Karpov, A. V. Chemjakina // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2022. T. 19. № 1. S. 127–142.

10. Kashapov M. M. Psihologija tvorcheskogo myshlenija professionala = The psychology of professional creative thinking. Moskva : PER SJe, 2006. 688 s.

11. Kashapov M. M. Psihologija tvorcheskogo myshlenija = The psychology of creative thinking. Moskva : INFRA-M, 2017. 436 s.

12. Kornilova T. V. Metodologicheskie osnovy psihologii = Methodological foundations of psychology / T. V. Kornilova, S. D. Smirnov Sankt-Peterburg : Piter, 2006. 320 s.

13. Mazilov V. A. Teorija i metod v psihologii = Theory and method in psychology Jaroslavl' : MAPN, 1998. 359 s.

14. Mazilov V. A. Psihologija akademicheskaja i prakticheskaja: Aktual'noe sosushhestvovanie i perspektivy = Academic and practical psychology: Relevant coexistence and perspectives // Psihologicheskij zhurnal. 2015. T. 36. № 3. S. 87–96.

15. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskij nauki: istorija i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and modernity. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 419 s.

16. Mazilov V. A. Predmet psihologii = Subject of psychology Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.

17. Povarenkov Ju. P. Problemy psihologii professional'nogo stanovlenija lichnosti = Problems of the psychology of professional personality formation. Saratov : SGSJeU, 2013. 322 s.

18. Povarenkov Ju. P. Sistemogenez dejatel'nosti professionala = Systemogenesis of professional activities : monografija / Ju. P. Povarenkov, Ju. N. Slepko, A. Je. Cymbaljuk. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 162 s.

19. Slepko Ju. N. Psihologija uchebnoj dejatel'nosti shkol'nika: Sistemogeneticheskij podhod = Psychology of educational activities of a student: Systemogenetic approach / Ju. P. Povarenkov, Ju. N. Slepko, A. Je. Cymbaljuk. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 263 s.

20. Sidorenkov A. V. Psihologija maloj grupy: metodologija i teorija = Small group psychology: methodology and theory. Moskva : Jurajt, 2018. 185 s.

21. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie = Theoretical knowledge. Moskva : Progress-Tradicija, 2000. 744 s.

22. Toloček V. A. Psihologija truda = Psychology of labor. Sankt-Peterburg : Piter, 2021a. 496 s.

23. Toloček V. A. Metody i metodologija polevyh issledovanij: otkrytye voprosy = Field research methods and methodology: open questions. Ch. 1 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021b. № 2 (119). S. 69–79.

24. Toloček V. A. Kompetencii i professional'nye vzaimodejstvija rukovoditelej: otkrytye voprosy = Competencies and professional interactions of managers: open questions / V. A. Toloček, A. S. Mashkova // Organizacionnaja psihologija. 2023. T. 13. № 1. S. 181–202.

25. Shadrikov V. D. Psihologija dejatel'nosti cheloveka = Psychology of human activity. Moskva : Institut psihologii RAN, 2013. 386 s.

26. Shadrikov V. D. Sistemogenez mental'nyh kachestv cheloveka = Systemogenesis of human mental qualities. Moskva : Institut psihologii RAN, 2022. 287 s.

27. Cymburskij V. L. Ostrov Rossija. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. 1993–2006 = Russia. Geopolitical and chronopolitical works. 1993–2006. Moskva : ROSSPJeN, 2007. 544 s.

28. Jurevich A. V. Psihologija i metodologija = Psychology and methodology. Moskva : Institut psihologii RAN, 2005. 312 s.

Статья поступила в редакцию 16.09.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 22.11.2023.

The article was submitted 16.09.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 22.11.2023.